

относится и к противоречиям по основному вопросу о доказанности или недоказанности обвинения, и к противоречиям по вопросу о степени вины каждого из подсудимых, и к противоречиям по вопросу о правовой квалификации деяния.

Глава III

РЕАЛЬНАЯ КОЛЛИЗИЯ

В судебной практике возможны случаи, когда защитник, во имя оправдания или облегчения участи своего подзащитного невольно отягощает положение других подсудимых или изобличает непривлеченных к ответственности лиц.

Ухудшать положение других подсудимых защитник может только в том случае, если это необходимо, чтобы защитить единственно возможным способом подсудимого от необоснованно инкриминируемого ему обвинения.

Профессор Л.Е. Владимиров указывал, что в групповом процессе защитник «обязан защищать только своего подзащитного всеми законными способами. Если из дела или из других данных он усматривает, что его подзащитный невиновен или не так виновен, как его изобличают в обвинительном акте, или что он просто сделался жертвою интриг своего соподсудимого, вовлекшего его в преступление, запутавшего его в деле, то его обязанность — раскрыть всю эту сторону преступления, чтобы добиться справедливого приговора, ограждающего интересы подзащитного»¹.

Такая позиция защиты возможна, как указывал В.Д. Гольдинер, «только при наличии коренных, непримиримых противоречий, органически вытекающих из взаимоотношений подсудимых, и в пределах действительной необходимости обороняться от обвинения»². Конечно же в этом случае правомерно и нравственно оправданно выяснять доказанность и степень виновности других подсудимых, поддерживать версию подзащитного о совершении преступления другим подсудимым или о главенствующей роли последнего в содеянном.

¹ Владимиров Л.Е. «Advocatus miles» // Пособие для уголовной защиты. С.-Пб., 1911, стр. 11.

² Гольдинер В.Д. Указанное сочинение, с. 106.

Адвокат не имеет права уклониться от участия в такой реально существующей коллизии. Выяснение соответствующих доказательств в таких случаях составляет прямую обязанность защитника.

При ознакомлении с материалами дела адвокат пришел к выводу, что следственными органами искажена перспектива дела: подлинные инициаторы и организаторы преступления в силу ряда причин не привлечены к уголовной ответственности либо отодвинуты на задний план, изображаются как второстепенные фигуры, а подзащитному, вовлеченному в преступление, отведена роль организатора. Ходатайство адвоката об определении действительного места и значения каждого из участников преступления, если оно будет заявлено, может ухудшить положение других обвиняемых или повлечет за собой расширение круга обвиняемых.

Бесспорно, что требование защиты о соответствии выводов следствия действительности находится в полном согласии с нормами морали и права.

Необходимо решить вопрос, кто виноват из двух подсудимых. Уйти от решения этого вопроса адвокат не имеет права.

Один из подсудимых пытается приписать второму то преступление, которое он сам, оговорщик, и совершил. Адвокат жертвы оговорщика обязан защищать подзащитного от клеветника, от ложно возводимого обвинения. В этом случае, если для выполнения задач защиты недостаточно установить противоречия в показаниях оговорщика, недостаточно доводов, что преступление не совершено подзащитным, то защита вправе прибегнуть к единственно возможному и необходимому — доказыванию причины оговора, а отсюда, невольно, и доказыванию вины оговорщика.

Примером, когда защита подсудимого от ложно возводимого на него обвинения была невозможна без выяснения причины оговора, а следовательно, без изобличения действительно виновных, может служить речь адвоката М.П. Городисского по делу о причинении тяжких телесных повреждений ребенку роженицы Малиновой, врача терапевтического отделения института клинической медицины. Врачу этого же отделения было предъявлено обвинение в том, что на почве зависти к положению Малиновой, из мести за пренебрежительное к ней отношение семьи последней, воспользовавшись отсутствием в палате дежурного персонала, она облила ребенка едкой

жидкостью. Ребенок пострадал либо в результате преступной небрежности младшего медицинского персонала, тщательно скрываемой из опасения уголовной ответственности, либо вследствие умышленного обезображивания ребенка врачом Новинской из низменных побуждений.

Материалы дела свидетельствовали о наличии острой, неустраняемой коллизии. Адвокат М.П. Городисский не исполнил бы свой долг, если бы, рассмотрев и опровергнув косвенные доказательства виновности своей подзащитной, не мобилизовал бы всех средств для оспаривания наиболее внешне веского доказательства виновности подсудимой — показаний няни Березовой, а тем самым для обоснования тезиса, что подлинные виновники трагедии в силу необъективности и односторонности предварительного следствия не привлечены к уголовной ответственности.

Березова утверждала, что при ее возвращении в детскую палату, оставленную медсестрой Лавриненко без присмотра, она встретила выходящую оттуда врача Новинскую, а вслед за этим услышала плач ребенка и обнаружила следы ожога на его лице. По ее категорическому утверждению, она, ничего не предпринимая, тут же вызвала Лавриненко и врачей, находившихся на собрании в ординаторской комнате, расположенной рядом с детской палатой.

Давая оценку показаниям свидетеля-оговорщика, М.П. Городисский сказал:

«Показания Березовой хотя и не изобличают прямо Новинскую в инкриминированном ей деянии, однако представляли бы собой значительно более серьезное доказательство, чем уже рассмотренные улики, при обязательном условии достоверности этих показаний.

Но в том то и дело, что эти показания недостоверны и в самой существенной их части прямо опровергаются другими доказательствами по делу... Целевая направленность этих показаний Березовой слишком очевидна — ей во что бы то ни стало надо вас убедить в том, что несчастье с ребенком произошло в ее отсутствие, что она не может нести за него ответственность.

Но из объективного сопоставления показаний всех остальных свидетелей с непреложностью вытекает, что роковое событие произошло именно тогда, когда в детской палате находилась одна Березова. Иначе невозможно объяснить то решающее обстоятельство, что о происшедшем несчастье Березова

сообщила не ранее чем через 15 минут после ухода из детской Новинской.

Если бы ребенок был обожжен до возвращения Березовой в палату, она, немедленно обнаружив это, успела бы догнать Новинскую в коридоре. В этом случае не осталось бы времени ни для пятиминутного разговора Новинской с Бондарь у дверей ординаторской, ни для последующего ее пребывания на протяжении 10–15 минут на собрании. Березова, которая, по ее словам, бегом направилась в ординаторскую, неминуемо опередила бы спокойно шедшую туда Новинскую. Следовательно, версия Березовой безусловно опровергается...

Я исчерпал свои доводы в защиту Новинской, но я не выполнил бы до конца своей защиты, если бы не попытался ответить на волнующий всех вопрос: кто же виноват в ожоге ребенка Малиновой?

Что же произошло в действительности в детской палате в те роковые минуты, когда там находилась одна Березова?

Конечно, нет оснований подозревать Березову в умышленном причинении ожогов ребенку. Вероятнее всего эти ожоги произошли вследствие ошибки Березовой, тщательно ею скрываемой.

Мы установили на суде, что муж медсестры Лавриненко, ведавшей в этой смене детской палатой, — шофер, а шоферам для зарядки аккумуляторов часто требуется кислота. Не взяла ли Лавриненко для этой цели, пользуясь приятельскими отношениями, соляной кислоты в аптеке института? Не оставила ли она флакон с этой кислотой на том шкафчике, где обычно стояла бутылка с раствором борной кислоты для промывания детям глаз?..

Быть может, взяв ребенка Малиновой, чтобы отнести его матери для кормления, Березова обнаружила, что глаза у ребенка плохо промыты. Ведь Малинова — не рядовая роженица, она врач этого же института! Не захотела ли Березова проявить особое внимание и промыть глаза ребенку? Не ошиблась ли она, приняв флакон с кислотой за борный раствор?

Вспомним находящийся в деле фотоснимок лица ребенка после ожога. На нем ясно видно, что центр ожога находится над переносицей, откуда едкая жидкость растеклась по глазам, закрыв навсегда один из них и оставив рубец на веке второго. Вспомним показания профессора Пхакадзе... Он утверждает, что по характеру ожога можно сделать вывод, что он произо-

шел не от того, что плеснули в лицо кислоту, а от вытирания ватой, намоченной в кислоте.

Опытный врач Годунова, работающая десятилетия в акушерских отделениях, показала, что няни обычно промывают глаза новорожденным не так, как положено — от периферии к переносице, а выжимают ватку над переносицей и затем проводят ее по глазам ребенка от центра к периферии.

Не произошло ли это и в данном случае? Ведь тех 15 минут, о которых я говорил, было более чем достаточно для того, чтобы скрыть следы допущенной ошибки и уничтожить и ватку, и флакон!

Не более ли вероятен и правдоподобен такой ход событий, чем обвинительная версия о чудовищном злодеянии Новинской?

Конечно, это только предположение, недостаточное для выводов о том, что Березова и Лавриненко допустили преступную небрежность, но предположение значительно более обоснованное, чем то, на котором зиждется обвинение Новинской.

К несчастью, предварительное следствие по этому делу страдает невосполнимыми уже пробелами... Упущено все, что могло пролить свет на действительные обстоятельства этого печального дела... В результате таких существеннейших пробелов следствия и забвения следователем элементарнейших обязанностей при расследовании преступления действительные виновники происшедшего несчастья не изобличены.

Новинская невиновна в предъявленном ей обвинении, и я прошу вынести ей оправдательный приговор»¹.

В деле по обвинению Теркина в хищении социалистического имущества в особо крупных размерах было достаточно доказательств того, что преступление совершено не им, и адвокат Я.С. Киселев ярко и убедительно изложил их суду. Одним из серьезных доказательств виновности Теркина были показания подсудимой Рычковой, которая многократно меняла их, но в по-

¹ Защитительные речи советских адвокатов. Президиум Московской городской коллегии адвокатов, 1956, с. 51–57. (Приговором суда Новинская была признана виновной в предъявленном обвинении. По жалобе адвоката кассационная инстанция приговор отменила и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, указав на необходимость направить расследование по пути проверки действий персонала, обслуживающего детскую палату. При доследовании дело в отношении Новинской было прекращено за недостаточностью собранных доказательств.)

следнюю минуту судебного следствия подтвердила виновность Теркина. Защита глубоко проанализировала эти показания и опровергла их материалами дела. Обоснованно считая, что этого достаточно для защиты Теркина, адвокат не стал отягчать положение Рычковой, доказывая ее вину. Я.С. Киселев нашел единственно нужные слова в защиту и Теркина и, как это не парадоксально, в защиту Рычковой: «Кто решится сейчас поставить в вину Рычковой противоречия в ее показаниях? Товарищ прокурор потребовал для нее самого сурового из всех возможных наказаний. Будем верить, что это требование не будет удовлетворено. Будем верить, что Рычкова не услышит самого страшного, что может услышать живой человек. Но как бы ни было, эта женщина, у которой есть маленький ребенок, знает, что ей в лучшем случае грозят долгие годы лишения свободы, а иногда, пусть ненадолго, но все же ее охватывает страшная, просто невыносимая мысль: «А вдруг требование прокурора будет удовлетворено?» Вот эта женщина и мечется в мучительном страхе, в тяжком отчаянии. По-человечески это так понятно! Но если Рычкова временами, стремясь смягчить свою участь, упрашивает поверить, что не она, нет, не она инициатор, что ее другие толкнули на преступление, если Рычкова в судорожных поисках спасения прячется за спину то одного, то другого, — разве можно говорить об этом с яростью? Кто решится швырнуть в нее камень упрека во лжи? Но кто решится сказать и другое: ей можно безоговорочно верить...»¹.

Блестящая речь Я.С. Киселева в защиту Теркина может служить примером, как могут и должны разрешаться казалось бы неустрашимые противоречия между подсудимыми, чтобы адвокат не превращался без нужды в обвинителя другого подсудимого.

Но возможна и такая ситуация, когда защитник располагает лишь объяснениями своего подзащитного, не подтвержденными объективно бесспорными фактами и другими доказательствами. Например, взяткодатель утверждает, что размер взятки был определен посредником. Последний же показывает, что взяткодатель по собственной инициативе предложил сумму взятки. Так как вопрос об обстоятельствах, при которых была дана взятка, и ее сумма имеет большое значение для определения наказания, встает вопрос: вправе ли адвокат поддерживать версию подзащитного, реальная ли это коллизия?

¹ Судебные речи советских адвокатов. — Госюриздат, 1960, с. 169–170.

Если адвокат не поддержит версию своего подзащитного, он оставит его без защиты. Поэтому полагаем, что прав В.Д. Гольдинер, который считал, что в данном случае «адвокат не лишен права, в зависимости от обстоятельств дела, поддерживать версию своего подзащитного. Он не может, конечно, излагать эту версию как нечто доказанное или хотя бы подкрепленное объективными данными, он может лишь, исходя из тех или иных особенностей дела и личности подсудимого, указать на правдоподобность этой версии»¹. При этом адвокат должен: постараться изыскать доводы, которые колеблют обвинение против подзащитного; подвергнуть тщательной и критической проверке показания соподсудимого; исследовать вопрос, насколько обоснованно выдвинуты обстоятельства, обусловившие по версии оговорщика инициативу определения размеров взятки со стороны подзащитного.

Глава IV

МНИМАЯ КОЛЛИЗИЯ

Одной из самых трудных, сложных задач, стоящих перед адвокатом в групповом процессе, является установление характера коллизии: подлинная, реальная она или мнимая. Нередко возникающие в суде коллизии с участием в них адвокатов являются мнимыми, легко устранимыми при правильном отношении к ним.

Одним из оснований для принятия мнимой коллизии за реальную служит следующее: наличие противоположных утверждений подсудимых воспринимается как свидетельство противоположных интересов.

Например, один подсудимый признает событие преступления, а другой — его отрицает. Вправе ли адвокат, защищающий того, кто признает событие преступления, доказывать, что преступление совершено, и тем самым исключить возможность оправдания подсудимого, чью защиту он на себя принял? При этом защитнику придется еще и опровергать подсудимого, который утверждает, что события преступления не было.

¹ Гольдинер В.Д. Защитительная речь. Юриздат, 1970, с. 111.

Думается, что в ходе судебного следствия отнюдь не обязательно опровергать утверждения того, кто отрицает вину, и тем самым исключить возможность оправдания обоих подсудимых. Напротив, всеми законными средствами и приемами следует изыскивать доказательства того, что события преступления не было, т.е. фактически опровергать подзащитного. Исчерпав же эти возможности, можно и нужно, оценивая всесторонне доказательства, указать на вероятность версии подзащитного. Такая позиция скрытой альтернативы не исключает допустимость оправдания обоих подсудимых и в то же время дает право адвокату поставить перед судом вопрос о признании за подзащитным чистосердечного раскаяния в случае вынесения обвинительного приговора.

Возьмем типичную ситуацию. Два лица преданы суду: один — по обвинению в получении взятки, другой — в даче взятки. Взяткополучатель отрицает событие преступления. Взяткодатель подтверждает факт дачи взятки и подробно рассказывает об обстоятельствах, при которых было совершено преступление. Это признание в соответствии с законом может быть признано обстоятельством, смягчающим вину.

Сложная задача стоит перед защитником взяткодателя, особенно при отсутствии оснований считать, что подзащитный возводит ложное обвинение. Таковую коллизию, как правило, принимают за реальную. В.Д. Гольдинер считал, что нет иного пути защиты интересов оговорщика, как обоснование всеми имеющимися в деле доказательствами тезиса о его правдивости и чистосердечном раскаянии. При этом В.Д. Гольдинер понимал, что данный способ защиты в то же время представляет собой опровержение позиции второго подсудимого, отрицающего получение взятки, т.е. прямое обвинение взяткополучателя¹.

Думаем, что данная рекомендация неверная. Адвокат взяткодателя не должен, при отрицании вины взяткополучателем, опровергать показания последнего, тем самым как бы говорить: «Я приложу все свои силы к тому, чтобы не был оправдан тот, кого я защищаю, чтобы исчезли последние сомнения в невиновности не только другого подсудимого — взяткополучателя, но и взяткодателя — человека, которого я обязался защищать». Нельзя не согласиться с Я.С. Киселевым, что «если защитник оговорщика примет на себя доказывание вины подсудимого, которому вменяется получение взятки, это будет равносиль-

¹ См. Гольдинер В.Д. Защитительная речь. Юриздат, М., 1970, с. 107–108.

но доказыванию виновности и его подзащитного, что несовместимо с функцией защиты даже тогда, когда это делается для установления чистоты морального облика подзащитного, его правдивости и глубины его раскаяния»¹.

Да, признание, чистосердечное раскаяние, активное содействие раскрытию преступления в силу п. 9 ст. 38 УК РСФСР — обстоятельство, смягчающее ответственность. Да, в соответствии со ст. 51 УПК РСФСР адвокат обязан выяснить обстоятельства, смягчающие ответственность подсудимого. Но согласно этого же закона защитник обязан выяснить обстоятельства, оправдывающие подзащитного.

А если суд поверит подсудимому и его адвокату, отрицающим получение взятки, и вынесет оправдательный приговор и оговариваемому и оговорщику? Не обвинительный ли это «приговор» защитнику оговорщика?

Для правосудия важнее воспрепятствовать осуждению без достаточных доказательств, чем осудить виновного². По одному

¹ Киселев Я.С. Этика адвоката. Издательство Ленинградского университета, 1974, с. 72.

² В «Бюллетене Верховного Суда СССР» № 5 за 1966 г. опубликовано постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу К. и Ш., отражающее этот гуманный и демократический принцип социалистической законности.

К. и Ш. были осуждены районным народным судом по ст. 106 УК РСФСР (неосторожное убийство). Убийство произошло при следующих обстоятельствах. Ранним летним утром рабочий геологоразведочной партии К. пошел умыться к реке и сквозь туман, стоявший над рекой, на противоположном берегу реки увидел колебание кустов, черный силуэт и услышал треск веток.

Полагая, что в кустах медведь, К. побежал в дом поисковой партии и сообщил об этом Ш. Оба они взяли одноствольные ружья 16 калибра, зарядили их одинаковыми патронами и вместе побежали к реке. На берегу реки они одновременно произвели выстрелы в кусты противоположного берега, где, по их мнению, находился медведь и где они оба видели колебания кустов и силуэт.

В кустах оказался техник-геофизик К., работавший начальником отряда, расположенного в 40 км от места происшествия. Ему одним выстрелом было причинено смертельное ранение. Пуля от второго выстрела попала в нагрудный карман пострадавшего, в котором находились ракетные патроны, и не причинила ему каких-либо повреждений.

В ходе тщательного предварительного и судебного следствия не представилось возможным установить, кто — Ш. или К. причинил смертельное ранение погибшему.

Пленум Верховного Суда СССР указал, что смерть потерпевшему была причинена одним выстрелом, т.е. неосторожными действиями лишь одного из двух осужденных, каждый из которых действовал самостоятельно, а не их совместными действиями. Ст. 106 УК РСФСР предусматривает ответственность лишь того лица, которое причинило по неосторожности смерть человеку. Поэтому один из двух осужденных, К. или Ш., является невиновным и осужден необоснованно. Если бы по делу было установлено, чьим именно выстрелом был

из эпизодов дела о взяточничестве, рассматривавшемся Московским городским судом, подсудимый Г., доказывая искренность своего раскаяния, оговаривал другого подсудимого. Адвокат оговорщика считал своей обязанностью обосновывать правдивость объяснений подзащитного. Суд, обоснованно считая, что признание подсудимым своей вины не является бесспорным доказательством его виновности, исключил из обвинения Г., а соответственно и оговариваемого, данный эпизод, указав, что «одних признательных показаний Г. недостаточно для того, чтобы это событие считать установленным».

По другому делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР приняла решение:

«Обвинение в получении взятки не может быть признано доказанным, если оно основано только на противоречивых показаниях лица, признавшего факт дачи взятки»¹.

убит потерпевший, не возник бы вопрос об ответственности за неосторожное убийство другого стрелявшего.

Смерть потерпевшему причинена по неосторожности, в связи с чем, в силу ст. 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, действия К. и Ш. не являются соучастием в любой его форме. Соучастие, одной из форм которого является соисполнительство, возможно лишь при совершении умышленного преступления, в то время как по настоящему делу имелось неосторожное убийство, за которое должно нести ответственность лицо, конкретно причинившее вред, которое в данном случае не установлено. Не являются эти действия и сопричинением преступного результата, так как каждый из осужденных стрелял самостоятельно и тем самым объективная сторона его действий не находилась в причинной связи с действиями и последствиями действий (причинением или непричинением смертельного ранения потерпевшему) другого стрелявшего.

Учитывая, что в результате неосторожного действия одного из обвиняемых была причинена смерть потерпевшему, Пленум Верховного Суда СССР отменил судебные решения в отношении К. и Ш. и дело направил на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В связи с тем, что конкретное лицо, виновное в убийстве потерпевшего, не было установлено, органы предварительного следствия дело производством прекратили.

Бесспорна точка зрения редакции органа Верховного Суда СССР, изложенная в комментарии к указанному постановлению Пленума:

«Трудно, разумеется, мириться с вынесением оправдательного приговора или с прекращением дела при условиях, когда, во-первых, доказано событие преступления, и, во-вторых, с полной достоверностью известно, что один из двух представших перед судом людей, виновен в совершении неосторожного убийства. Неизвестно только — который именно.

Однако это «только» и несовместимо с социалистическим правосознанием и принципами социалистической законности, по которым уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления...».

¹ Сборник «Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938—1969 гг.)». Юриздат, М., 1971, с. 295, п. 440.

При противоречивых показаниях подсудимых адвокат оговорщика в определенных разумных пределах может поддерживать позицию своего подзащитного, так как суд, установив факт глубокого раскаяния, назначает и наказание мягче. А это не безразлично подзащитному. Однако, защищая оговорщика, адвокат обязан соблюдать ряд условий:

— изыскивать доказательства, которые колеблют, оспаривают обвинение против подзащитного, то есть ослабляют его версию;

— не препятствовать во время судебного следствия установлению обстоятельств, благоприятных для других подсудимых.

Признание подсудимого не исключает необходимости исследования и тщательной проверки всех возможных версий преступления. Например, насколько обосновано утверждение взяточдателя об обстоятельствах, обусловивших дачу взятки; не находятся ли взяточдатель и взяточполучатель в неприязненных отношениях; не вызваны ли признательные, обвинительные показания мстью за отказ выполнения каких-либо противоправных действий и пр. «Убеждение судьи основывается во многих случаях на гипотезе, сила которой тем больше возрастает, чем больше исключено других мыслимых гипотез. Вот эти мыслимые гипотезы и должна представлять защита и тем помогать судье в образовании убеждения. Весьма часто судебные ошибки получались оттого, что судьям не приходило в голову, что помимо предположения, их загипнотизировавшего, можно еще сделать много других предположений, не менее основательных. Защитник имеет право — даже обязан — строить всякие гипотезы на основании собранных на суде материалов. Чем разнообразнее эти предположения, тем более изображают они разные возможности совершения преступления. Чем более защитник помогает суду остановиться на одной гипотезе, исключив все остальные, тем более он помогает судье образовать правильное убеждение в деле, ибо образование такого убеждения совершается путем исключения всех гипотез, кроме одной, ничем не опровергнутой»¹.

Если обязательна для суда тщательная, критическая проверка и оценка показаний подсудимого, изобличающее другое лицо, то она тем более необходима для адвоката оговорщика. Адвокату следует подвергнуть анализу обвинительные дока-

¹ Владимиров Л.Е. «Advocatus miles» // Пособие для уголовной защиты. С.-Пб., 1911, с. 23–24.

зательства, свидетельствующие об обоснованности утверждений подзащитного, что преступление совершил другой подсудимый.

Выполнив эти предварительные условия, защитник вправе в речи сослаться на допустимость версии подзащитного.

Другой пример мнимой коллизии. Должен ли адвокат оговорщика опровергать версию оговариваемого, показания которого никак не влияют на судьбу подзащитного?

Оговорщик утверждает, что фиктивный больничный листок, соответствующим образом оформленный, который он представил на работу и по нему незаконно получил деньги, ему дал такой-то—подсудимый. Другой подсудимый отрицает оговор. Он показывает, что у него дома находились два незаполненных больничных листка. Оговорщик, часто бывая у него дома, взял втайне от него один из больничных листков. Имеет ли право адвокат оговорщика доказывать в данном случае правдивость подзащитного, вправе ли он ухудшать положение второго подсудимого и во имя чего это должно быть сделано? Ответ на этот риторический вопрос может быть только один — нет!

Один подсудимый признает, а другой — отрицает квалифицирующий признак. Скажем, один утверждает, что намеревались совершить хищение в значительном размере, а другой — мелкое хищение государственного имущества. Один говорит: «Нас было двое». Другой подсудимый — «Нет, меня там не было» (кража, совершенная по предварительному стовору группой лиц; изнасилование, совершенное группой лиц). Должен ли защитник первого подсудимого видеть свою задачу в том, чтобы доказать наличие соучастия, наличие квалифицирующего признака, наличие более тяжкого преступления?

Двое подсудимых обвиняются в совершении разбоя. Каждый доказывает, что инициатором был другой. Но одному из них вменяется еще и совершение особо злостного хулиганства, предшествовавшего разбою. Подсудимый отрицает это обвинение. Адвокат, защищающий того, кому вменяется только участие в разбое, посчитал возможным доказывать вину второго участника разбоя и в совершении хулиганства. Свою «защитительную» деятельность адвокат обосновал тем, что доказанность обвинения в хулиганстве предопределяет убеждение суда в том, что инициатива разбоя принадлежала более опытному преступнику. Такая с позволения сказать «позиция»

защиты не только безнравственна, но и логически несостоятельна, так как совершение хулиганства даже с применением ножа одним лицом отнюдь не исключает того, что мысль о нападении с целью завладения личным имуществом могла возникнуть у другого подсудимого.

Бесспорно, в интересах защиты, особенно по делам несовершеннолетних, где участвовали и взрослые, адвокат не должен игнорировать такое серьезно влияющее на исход дела обстоятельство, как инициативу в совершении преступления. Но доказывая второстепенную роль подзащитного, доказывая, что инициатива принадлежала другому подсудимому, адвокат должен пользоваться нравственно оправданными методами. Вынужденно приводимые защитником доводы против другого подсудимого не должны становиться похожими на обвинительную речь прокурора.

Исследуя причины принятия мнимой коллизии за подлинную, автор вынужден затронуть и такой щекотливый вопрос. В групповом процессе коллизии нет, интересы подсудимых солидарны, но в силу неправильного истолкования закона либо материалов дела не подсудимым, а адвокатом избирается неправильная правовая позиция. Такая линия защиты неминуемо приводит к ненужной, зачастую острой мнимой коллизии.

Выбор правильной юридической, обоснованной позиции, нередко гарантия исключения коллизии по делу, так как это дает возможность определить действительную значимость противоположных утверждений подсудимых, наличие противоречивых интересов. Нельзя не согласиться с известным русским судебным деятелем П.С. Пороховщиковым, книга которого «Искусство речи на суде» была своеобразным пособием каждого судебного оратора:

«Первая, главная аксиома уголовного оратора: *в основании обвинения и защиты лежит юридическая оценка события*. Кто не сумел доказать факта или убедить судей, тот может быть достоин жалости, но не заслужил осуждения; тот, кто не сумел найти нужный закон, тот не исполнил долга, тот *виновен*. *Незнание закона — преступление*»¹. Нам представляется, что неправильное понимание закона адвокатом, влекущее за собой ложную коллизию в групповом процессе, также является, пусть менее тяжким, но «преступлением».

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде. Госюриздат, М., 1960, с. 140.

Приведем два примера, показывающих, к чему может привести ошибочная интерпретация закона, а также неверная оценка материалов дела.

Несколько лиц обвинялись по ст. 206 УК РСФСР. Суть обвинения заключалась в том, что они способствовали своему товарищу в побеге из психиатрической больницы. Юридическая оценка этих действий была явно неправильной, так как состава преступления они не содержали.

Один из защитников предложил коллегам согласовать позиции защиты. Он обратился к товарищам по защите с предложением войти с ходатайством о прекращении дела за отсутствием состава преступления в распорядительное заседание суда. Не встретив понимания со стороны других адвокатов, ему пришлось действовать самостоятельно. Ходатайство судом было оставлено без рассмотрения.

В судебном заседании этот адвокат доказывал отсутствие состава преступления в действиях подзащитного, а следовательно и других подсудимых, и обоснованно в речи ставил вопрос об оправдании. Другие защитники занимались «перекладыванием» вины с одного подсудимого на другого, не оспаривали квалификацию и просили учесть личность и характеристики подзащитных. А личности подсудимых были крайне отрицательные: неоднократно судимы, не занимаются общественно-полезным трудом, т.е. говорить в этом плане, значит ничего не говорить в защиту подсудимого. Один из адвокатов даже был согласен с мерой наказания в виде нескольких лет лишения свободы, предложенной обвинителем, и просил только о другом режиме колонии.

Суд переквалифицировал действия подсудимых на ст. 193 УК РСФСР и освободил их из-под стражи в зале суда за отбытием назначенного им срока наказания.

Последовал протест прокуратуры на неправильную переквалификацию и меру наказания осужденных. Два адвоката подали кассационные жалобы. Оба были последовательны. Один просил об отмене приговора и прекращении дела, другой доказывал, что переквалификация не верна.

В судебном заседании кассационной инстанции член Верховного Суда заявил адвокату, просившему отменить приговор: «Товарищ адвокат, а вот ваш коллега согласен с позицией прокуратуры». Можно ли услышать более тяжкое обвинение в адрес адвокатуры? Определением Верховного

Суда приговор был отменен, а дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Были защитники у подсудимых? Кто виновен? Если согласиться с П.С. Пороховщиковым — адвокаты!

Я.С. Киселев в докладе «О коллизиях в советской уголовной защите» приводит другой пример, когда адвокаты, неверно оценив действительную значимость противоречивых показаний подсудимых, избирают неправильную позицию по делу.

«Прибыла большая партия яблок. Оказалось, что они сгнили на огромную сумму в 0,5 млн. рублей. Были привлечены к ответственности заведующий перевалочной базы и фруктовой базы, где яблоки в разное время хранились. Заведующий перевалочной базы утверждает, что яблоки сгнили у директора фруктовой базы, а тот — что сгнили на перевалочной базе. Оба адвоката были ретивые и рьяные... Они ожесточенно спорили и каждый умело доказывал, что были на базе у другого ужасные условия хранения. И вот что произошло. В конце судебного следствия суд по собственной инициативе, заметьте по собственной инициативе, спросил у эксперта: «Не может ли он определить, каков процент брака был за время доставки яблок по железной дороге до перевалочной базы?». А ведь время пути — две недели. Эксперт ответил, какой был брак. И представьте себе положение адвокатов — брак был такой, что выяснилось: яблоки сгнили в пути»¹.

Еще раз зададим вопрос: были защитники у подсудимых, кто виновен?

В качестве образца правильной позиции защиты, давшей положительные результаты, можно привести одно из дел о групповом изнасиловании. Шесть лиц, четверо из которых были несовершеннолетними, обвинялись в изнасиловании старшеклассницы, положительно характеризуемой по месту учебы и жительства. Защитники не занимались «перекладыванием» вины, они избрали солидарную защиту. Они добились проведения комплексной судебной психиатрической и психологической экспертизы потерпевшей и несовершеннолетних подсудимых. С помощью экспертизы было установлено, что у потерпевшей чрезвычайно низкий морально-этический уровень развития; что для нее не было необычным вступить в половую связь с шестью малознакомыми молоды-

¹ Архив Московской городской коллегии адвокатов. Стенограмма заседания Криминалистической секции от 28.01.1964, с. 22.

ми людьми; что она склонна к оправданию своих поступков и обвинению во вне; что она склонна ко лжи. В то же время экспертиза указала, что подсудимые в силу уровня и степени своего развития могли воспринять поведение потерпевшей как согласие на интимную близость. Правильно найденная идея защиты исключила возможность острейшей коллизии, которая не способствовала бы установлению истины, интересам правосудия.

А как часто адвокат не задумывается над тем, что в результате его действий, направленных на создание благоприятного для подзащитного «фона» путем очернения других подсудимых, он достигает того, что может быть повышена мера наказания не только другим подсудимым, но и подзащитному. Ведь чем выше точка отсчета, тем наказание и для подзащитного строже.

Противоречий между интересами двух подсудимых нет. Неоднократно правлекавшийся к уголовной ответственности за карманные кражи подсудимый совершил грабеж. Как установлено материалами дела, второй подсудимый по собственной инициативе принял участие в ограблении. С целью отменить разницу между подзащитным и соучастником защитник ходатайствует об оглашении приговоров, вынесенных в отношении первого подсудимого. Действия адвоката понятны. Он создает «фон». «Идея» защиты — наказание должно быть индивидуализировано — матерый преступник и случайно оступившийся человек. По мнению адвоката, у суда нет оснований строго наказывать его подзащитного, суд должен определить ему наказание меньше, чем первому подсудимому. И действительно, суд дает меньше. Но несравненно больше, чем если бы адвокат не поднимал эти приговора. Нельзя не признать правоту Я.С. Киселева, что «такой метод защиты не отвечает нравственным требованиям, предъявляемым к адвокату. Отягощать положение подсудимого, не находящегося в коллизии с тем, кого защищает адвокат, отягощать положение в целях создания благоприятного «фона» для своего подзащитного, — значит причинять страдания людям без морального на то оправдания»¹.

¹ Киселев Я.С. Этика адвоката. Издательство Ленинградского университета, 1974, с. 70.

И что печально — этих адвокатов ничто не мучает, ничто не тревожит, так как они не осознают всю безнравственность такой линии защиты.

Редко, но все же приходится встречаться с ситуацией, которую и мнимой коллизией назвать нельзя. Например, противоречий между интересами подсудимых и их показаниями не имелось. Адвокат ходатайствовал о проведении дополнительной судебно-психиатрической экспертизы подзащитного и допросе дополнительных свидетелей. Другие адвокаты возражали, хотя интересы их подзащитных не затрагивались. В то же время имелись серьезные основания полагать, что лицо, в отношении которого будет проведена экспертиза, может быть признано невменяемым.

Адвокат не вправе забывать о гуманной направленности своей профессии. Если даже при острой коллизии он должен избегать защиты за счет очернения личности иных подсудимых и не отягощать без крайней надобности их положение в деле, то тем менее оснований у защитника ухудшать положение незащищаемого им подсудимого в случае отсутствия коллизии.

Глава V

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ КОЛЛИЗИОННОЙ ЗАЩИТЫ

В творческой профессии адвоката непременным условием надлежащего выполнения им своих обязанностей служит его совесть, сознание своего долга и ответственности. Но этот внутренний контроль не исключает внешний, со стороны Президиума коллегии адвокатов.

Правильность данного основного положения проверена более чем полувековой практикой советской адвокатуры. И если это принципиальное требование верно для адвоката, защищающего подсудимого, который один предан суду, то оно тем более обязательно для защитников в групповом процессе с противоречивыми интересами подсудимых. Каковы же законные и нравственные правила поведения адвоката при реальной коллизии, когда коллизия не мнимая, не выдуманная, когда она существует в действительности и требует настоящей,

умелой борьбы? Конечно, невозможно предложить рецепты на все случаи жизни. Адвокат должен учитывать все особенности каждого конкретного случая и находить правильное решение в законе и в своем нравственном сознании. При всех условиях, не допуская ничего, что может ухудшить положение подсудимого, адвокат должен безоговорочно исключить для себя какую бы то ни было возможность недобросовестных приемов исследования материалов дела.

При защите, в особенности коллизионной, адвокат в своей деятельности должен пользоваться только нравственными средствами, применять только те приемы защиты, которые отвечают требованиям норм права и морали. Одновременно он должен решительно и настойчиво бороться против любых нарушений не только закона, но и нравственности в процессе судебного разбирательства, если это вредит тому, кого он защищает, чьи интересы ему вверены.

Законные средства и способы защиты — это те, которые применяются в соответствии с законом в целях выяснения всего, что свидетельствует в пользу подзащитного, что опровергает его обвинение и оправдывает подсудимого, что смягчает его ответственность¹. Полагаем, что это полностью относится к случаям реальной коллизии. При таких условиях средства и методы коллизионной защиты содействуют правосудию, укреплению законности и в то же время находятся в полной гармонии с нормами нравственности.

Поведение адвоката при коллизионной защите дает основание судить не только об уровне его профессиональной подготовки, но и о том, в какой мере он осознал свое значение как общественного деятеля, каков уровень тех этических норм, которые адвокат считает для себя обязательными.

На обвинителе и защитнике лежит одинаковая обязанность — ничего не делать для поддержания лжи. Не вызывает никаких сомнений, что любая уловка, обман, извращение фактов следователем или прокурором, чем бы они ни мотивировали это, недопустимы. Почему же должно быть сделано исключение для адвоката? И для него любая попытка применить аморальные действия независимо от цели, которая при этом преследуется, недопустима. Правильное понимание законных средств коллизионной защиты исключает для адвоката «право на ложь». «У защиты не только нет права на ложь, но нет права

¹ См. Проблемы судебной этики. Издательство «Наука», 1974, с. 238–239.

и на такие действия, которые могли бы вызвать даже малейшее сомнение в добропорядочности и моральной правоте действий защитника»¹.

Правдивость перед судом – важнейшее требование, которое должно быть предъявлено к защитнику. Под правдивостью, обязательной для защитника, следует понимать не полную и абсолютную объективность, не всестороннее изложение фактов с позиции беспристрастного докладчика. Такая объективность находилась бы в противоречии с односторонностью защитника, естественно вытекающей из требований закона (ст. 51 УПК РСФСР). Правдивость адвоката – это добросовестное изложение собранных по делу фактов, безупречная точность ссылок на материалы дела. «Адвокат должен быть нотариусом фактов дела... Всякое уклонение от этой правдивости, раз оно умышленное, есть уже серьезное нарушение обязанностей защиты»².

Требование правдивости исключает для защитника умышленное извращение показаний соподсудимого, подавление при допросе его правдивых показаний, изобличение незащищаемого подсудимого или непривлеченных к суду лиц с помощью доказательств, недостоверность или лживость которых ему заведомо известны (ложные показания в пользу подзащитного, опровергающие оговорщика; поддельные документы; разные вымышленные, искусственные, надуманные, фальсифицированные доказательства). Но как быть, если подзащитный, обороняясь от обвинения, использует заведомо для адвоката недостоверные, ложные доказательства? Есть точка зрения, предлагающая защитнику обойти этот вопрос молчанием, не проявляя излишней откровенности, но и не говоря суду заведомой неправды. Но противная сторона и суд знают о порочности этих доказательств. Они ждут от адвоката, что он скажет об этих доказательствах. Если адвокат промолчит, то вполне возможно недоверие к другим, но доброкачественным доказательствам защиты. Такая линия защиты может вызвать сомнение в добропорядочности и моральной правоте действий

¹ Проблемы судебной этики. Издательство «Наука», 1974, с. 240. Ср.: «Образ действий адвоката при ведении дел должен носить характер безусловной честности и законности, обман, извращение фактов, всякие уловки и подвохи должны быть чужды адвокату». (Васъковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики. С.-Пб., 1895, с. 30.)

² Владимиров Л.Е. «Advocatus miles» // Пособие для уголовной защиты. С.-Пб., 1911, с. 22–23.

защитника. Это может подорвать веру в правильность версии подсудимого и позиции его адвоката. Если лживость доказательств несомненна, то следует не умалчивать или замалчивать (дело не в словах), а попытаться, не вдаваясь в их глубокий анализ, найти идею, объясняющую факт появления таких доказательств и сами доказательства.

«Адвокат не может прибегнуть к недобросовестному приему, к обману и в том случае, если он считает, что ложь — единственный способ изобличить оговорщика»¹.

К уголовной ответственности за разбой были привлечены два лица. Потерпевший, добросовестно заблуждаясь, опознал в обвиняемых лиц, совершивших на него разбойное нападение. Это ошибочное утверждение могло повлечь судебную ошибку. При беседе с адвокатом перед слушанием дела подсудимый, не видя другого способа избавиться от ложного обвинения, предлагал своему защитнику создать искусственное алиби и изыскивал различные уловки, которые могли бы убедить потерпевшего и суд в том, что нападение совершил другой подсудимый и неустановленное следствием лицо. Согласие адвоката воспользоваться предложенными «средствами» и «способами» защиты привело бы к грубейшему нарушению профессионального и общественного долга. Такая незаконная, безнравственная защита не может быть оправдываема никакими ссылками на желание помочь правосудию, на стремление предотвратить судебную ошибку. Адвокат нашел другие, законные, нравственно оправданные пути и приемы опровержения обвинения, что привело к оправданию не только подзащитного, но и другого подсудимого.

Согласно ст. 295 УПК РСФСР адвокат обязан в речи ссылаться только на те доказательства, которые были исследованы в ходе судебного следствия. Адвокат знает о существовании доказательства невиновности своего подзащитного, которое одновременно является доказательством виновности другого подсудимого. В то же время адвокат предполагает, что у соподсудимого имеется объяснение и опровержение этой улики. Нравственно ли в ходе судебного заседания умалчивать о данном доказательстве, в нарушение закона не исследовать его на судебном следствии, а в речи — использовать? Это вопрос тактики защиты, но тактика должна быть основана на принципах закона и морали.

¹ Проблемы судебной этики. Издательство «Наука», 1974, с. 240.

Трое, взрослый и двое несовершеннолетних, обвинялись по ст.ст. 206 ч. II и 108 ч. I УК РСФСР. Один из привлеченных к уголовной ответственности во время совершения хулиганских действий нанес мужчине удар в область глаза, следствием чего явилась полная утрата зрения на этот глаз. Взрослый подсудимый отрицал свою виновность и утверждал, что тяжкое телесное повреждение причинил один из несовершеннолетних. В одном из первоначальных объяснений потерпевший показывал, что после удара взрослого в область глаза он почувствовал острую боль. В последующем показания его резко изменились: «не знаю кто», «один из двух подростков». Защитники несовершеннолетних подсудимых обоснованно предполагали, что такое изменение показаний потерпевшим вызвано сговором со взрослым подсудимым после посещения его в больнице. Защитники не просили огласить первоначальные показания потерпевшего, не выясняли причину изменения им показаний, опасаясь получения отрицательного для защиты ответа, но в речи сослались на эти показания. Суд оправдал подростков, и в качестве основного доказательства их невиновности фигурировали первоначальные объяснения потерпевшего. Правая, благородная цель защиты невиновных была достигнута безнравственным способом.

Какими доказательствами должен располагать защитник для того, чтобы он имел право высказывать соображения, изобличающие или отягчающие участь других подсудимых? Вспомним, чего требует и ждет защита от процессуального противника? Она настаивает на том, чтобы были предъявлены достоверные доказательства, доводы, основанные на объективно подтвержденных обстоятельствах. Если этого требует защитник, то и он обязан выдвигать против того, с кем находится в коллизии, только такие же доказательства и доводы, и никакие иные! Двух мерок не может существовать. В данном случае речь идет не о бесспорных доказательствах. Такие факты, которые подтверждаются совокупностью доказательств, по делу с противоречивыми интересами подсудимых встречаются редко. Имеются в виду доводы, объективно подтвержденные различными доказательствами».

Например, факты устанавливаются свидетелями и отрицаются подсудимым; факты устанавливаются показаниями части свидетелей, но не подтверждаются (отрицаются или не упоминаются) другими свидетелями. Несомненно, такие фак-

ты не могут считаться бесспорными. Защитник подсудимого, в чью пользу свидетельствуют эти факты, вправе, анализируя материалы дела, сопоставляя показания свидетелей и объяснения подсудимых, утверждать, что эти факты, благоприятные для его подзащитного, следует считать установленными.

При истолковании фактов защитник располагает широкой свободой субъективного изложения доказательств. Но эта свобода, как мы указывали, не безгранична, ею следует пользоваться обдуманно, с чувством ответственности, честно и разумно. Защита при любом изложении и истолковании фактов (событий) должна оставаться на реальной почве, а не превращаться в бесплодную игру фантазии, быть идейно выдержанной, логически убедительной и психологически правдоподобной.

Адвокат при коллизионной защите вправе использовать доказательство, достоверность которого для него не бесспорна. Имеется в виду не заведомо ложное доказательство, использование такого недопустимо, а то, в достоверности которого у защитника могут быть сомнения. Защита обычно не имеет возможности и средств предварительно проверить приводимые доказательства. Она даже к концу судебного следствия не всегда знает: достоверно ли это доказательство или сомнительно. Защитник не только вправе, но и обязан представить доказательства, которые и ему кажутся спорными, так как их недостоверность не установлена с несомненностью, так же, впрочем, как и достоверность. А все сомнения толкуются в пользу подсудимого. Как утверждал профессор Н.Н. Полянский, адвокат «...обязан представить все доводы, говорящие в пользу достоверности, как бы он сам ни сомневался в их достоверности, ибо суд вправе ожидать от участников процесса, что они представят ему все данные и изложат все соображения, нужные для всесторонней оценки обстоятельств дела»¹.

Вероятно, адвокату не следует говорить о своих сомнениях, указывать на недостаточную убедительность доказательства, так как суд все доказательства все равно оценит в совокупности. Не следует также и потому, что слабый довод подрывает доверие ко всем другим доводам защиты. «Один калека портит весь строй». Не надо забывать, что внимание слушателей обычно сосредотачивается на слабейшей части рассуждений говорящего.

¹ Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927, с. 63.

При противоречиях интересов подсудимых большое значение имеет внешняя форма, в которую облакаются действия защитников. Исключительно важно чувство меры, следует стремиться ограничить обвинительные действия защиты тем минимумом, который действительно необходим. Обязательное для защитника чувство такта должно предостеречь его от того, чтобы вынужденно приводимые доводы против другого подсудимого не становились похожими на обвинительную речь. «Такт есть особо интуитивное, даже инстинктивное понимание уместности или неуместности действия, слова или жеста при данных условиях, в данное время и в данном положении... Такт есть чуткость в понимании положения и особенностей другого человека, его светлых и темных сторон, его желаний, его отвлеченных представлений и убеждений»¹. Нетерпимо такое положение, когда защитники превращаются в пристрастных и односторонних обвинителей, пытаются любой ценой переложить вину своего подзащитного на других подсудимых или необоснованно уменьшить ее за счет отягощения ответственности других.

Адвокат не вправе бросаться в крайности, проявлять нетерпимость и раздражение, давать волю своему возмущению. Он не может и не должен оскорблять, унижать, прибегать к иронии, к открытому выражению недоверия, ни к чему, что может унижить человеческое достоинство соподсудимого. Иначе защита становится безнравственной, производит на присутствующих тягостное впечатление. Форма, в которую облакаются средства и методы коллизионной защиты, должна быть высоконравственной. На этом стоит советская адвокатура: «Адвокат не должен вести допрос в судебном заседании в повышенном тоне, проявляя излишнюю темпераментность ... должен избегать оскорбительных, бестактных выражений при допросе участвующих в деле лиц ... бестактное высказывание адвоката в судебном заседании по адресу подсудимого, которого защищает другой адвокат, влечет дисциплинарное взыскание ... даже если по каким-либо причинам обстановка рассмотрения дела, в котором адвокат принимает участие, обостряется и перестает быть нормальной, адвокат должен проявлять сдержанность и выдержку, не допуская со своей стороны никаких

¹ Владимирова Л.Е. «Advocatus miles» // Пособие для уголовной защиты. С.-Пб., 1911, с. 76–77.

дерзостей, грубостей и т.п.»¹. Уважительное отношение к подсудимому обусловлено сознанием общественной значимости судебного процесса, пониманием его воспитательного воздействия, которое будет тем сильнее и действеннее, чем меньше в нем будет несдержанности, препятствующей спокойному и объективному рассмотрению дела.

Подзащитный противника — человек, который только по приговору суда может быть признан преступником, если будет обвинительный приговор. А следовательно, в процессе адвокат тем более обязан относиться к соподсудимому подзащитного уважительно, щадить его самолюбие, достоинство, его человеческие чувства.

Чем хуже нравственная роль оговорщика, тем меньше страстности должно быть в разборе его показаний. Суд, возможно, возмущается его позицией не меньше, а больше, чем защитник оговариваемого. Либо суд придерживается версии оговорщика и желает вынести соответствующий приговор. Тогда страстность слов, ирония, оскорбления, раздражение, направленные на изобличение оговорщика, будут вызывать раздражение суда. Если адвокат будет говорить неумело, то его остановят; если же он не даст повода остановить его и выскажется до конца, то вряд ли раздраженный судья поймет или согласится с его доводами. Аристотель говорил, что сильнейшее средство убеждения заключается в личном благородстве оратора.

Нет необходимости доказывать, что отношения адвоката к своим коллегам в случаях, когда между интересами их подзащитных возникли глубокие противоречия, должны оставаться безупречно корректными, что оскорбление, брошенное товарищу по работе, всегда бумеранг и пятнает не столько оскорбленного, сколько оскорбителя.

Сошлемся только на два решения Дисциплинарной Комиссии Президиума Московской губернской коллегии защитников: «Дисциплинарная Комиссия нашла установленным, что член коллегии Э. допустил в судебном заседании по адресу своего коллеги некорректное выражение, что и должно быть поставлено ему на вид».

¹ Организационная работа и вопросы этики // Президиум Мос. Губ. Колл. Защитников, под редакцией В.И. Вегер. М., 1924, с. 49–50, 52–53, 64. (Архив МГКА, Дисциплинарная практика Московских городской и областной коллегий адвокатов. М., 1971, с. 22–23.)

«...Установлено, что член коллегии Л. проявил непонимание роли защитника, позволив ряд нетактичных действий. Попытка воздействовать на своего противника путем угроз, заносчивость и третирование противной стороны, оскорбительное высказывание, замена деловых взаимоотношений пикировкой на личной почве и уколами самолюбия — таким отравленным «оружием» члены коллегии защитников пользоваться не могут и не должны. Подобные приемы нецелесообразны и вредны для дела. А кроме того, они недопустимы этически: они вносят разложение в отношения между товарищами»¹.

Если противник не был безупречен в своей речи по отношению к вашему подзащитному или к вам, будьте безукоризненны к нему. Этого требует ваше достоинство, и это подчеркивает его ошибку.

* * *

Неправильное поведение адвоката при коллизии наносит серьезный ущерб не только подсудимым, а значит, и правосудию, но и достоинству и чести адвокатуры. Адвокат должен отчетливо сознавать, что от его поведения во многом зависит степень общественного признания, которой достигнет советская адвокатура.

Развитие этики адвоката должно содействовать решению сложных нравственных проблем уголовной защиты. Обеспечение нравственных начал судопроизводства зависит и от адвоката. Он должен нести моральную ответственность и за свое поведение, и за поведение коллег.

Следует полагать, что успешное выполнение задач, стоящих перед советской адвокатурой, зависит от гармонического слияния в практической работе каждого адвоката знаний закона с непоколебимой нравственной дисциплиной.

¹ Вегер В.И. Дисциплина и этика. Издательство «Правовая защита», 1925, с. 39.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Учителю от ученика	4
Введение	6
Глава I. Понятие коллизии и возможность ее возникновения между адвокатом и его подзащитным	11
Глава II. Основания и пределы коллизионной защиты	21
Глава III. Реальная коллизия	27
Глава IV. Мнимая коллизия	33
Глава V. Средства и способы коллизионной защиты	43

Сдано в набор 18/І 2019 г.
Формат 60 x 90 / 16 Объем 3 усл. п. л

Подписано в печать 17/І 2019 г.
Уч. изд. л. 2,7 Заказ 190044

Типография ООО «АГС-ПРИНТ»
115553 г. Москва, Андропова пр-кт, д. 22, этаж 9, к. 52



БОРИС АБУШАХМИН

13.12.1938 – 10.10.2018

Родился в 1938 году в г. Казани.
В 1966 году окончил
юридический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова.
Член МГКА с 1967 года.

Один из самых авторитетных московских адвокатов. Автор классики теории и практики адвокатуры – настоящей «Коллизионной защиты» (1976). Сооснователь одного из первых адвокатских бюро в стране – Адвокатского бюро «Резник, Гагарин, Абушахмин и Партнёры».

Представлял интересы Президента России, журналистов, диссидентов, правозащитников, предпринимателей и государственных органов. Впервые в истории российского правосудия добился назначения математико-лингвистической экспертизы художественных произведений для защиты авторских прав.

Московская адвокатура будет помнить Б. Абушахмина как одного из организаторов защиты, которая потребовалась в 1987 году самой адвокатуре в связи с известным групповым делом «О взяточничестве, протекционизме и круговой поруке в Московской городской коллегии адвокатов». В результате удалось убедить секретаря ЦК КПСС А.И. Лукьянова в необходимости создания Союза адвокатов СССР.

«Профессионал высочайшей пробы, выдающийся организатор, мудрый наставник, пытливый, чутко реагирующий на вызовы переменчивого социума человек, Борис являл собой образец кристальной честности, верности вековым идеалам и традициям правозаступничества. Был тем, кого по праву можно назвать совестью адвокатуры».

Генри Резник